

Лев Николаевич Толстой

(1828 — 1910 г.)

По суммарному тиражу изданий его книг Толстой занимает второе место в мире после Библии.

Всю жизнь стремительно и неудержимо он шел своей дорогой и покорял, завоевывал толпу своей оригинальностью. Все общепринятое, модное было ему ненавистно. Он хотел сам, своим умом дойти до всего и увлечь человечество за собою.

В Толстом слилась кровь самых родовитых русских семейств Волконских, Голицыных, Трубецких.

Николай Ильич Толстой

Отец Льва Николаевича Толстого – Николай Ильич женился на княжне Марии Николаевне Волконской в 1822 году. Во время венчания упала и больно ушибла жениха подвешенная к потолку люстра. Николай Ильич всю жизнь оставался убежден, что то было дурное предзнаменование. Со стороны Николая Ильича это был откровенный брак по расчету. Ему шел уже 29-й год, а должность он имел более чем скромную, всего лишь воспитатель солдатских сирот. А за княжну Волконскую давали Ясную Поляну, дома в Белокаменной. Княжна Волконская все понимала и не обольщалась относительно пламенности его чувств. Но шел ей уже 32-й год и слыла она «старой девушкой, дурною собой».

Страсти к суженому не испытывала и она – ей очень хотелось иметь семью.

Личностью Мария Николаевна была намного более сложной и яркой, чем ее не очень хорошо образованный, можно сказать недалекий супруг.

Лев Николаевич фактически не знал матери – она умерла, когда ему не исполнилось еще и двух лет. В семье не осталось даже ни одного ее портрета.

Разница характеров супругов не мешала, ровному, плавному течению яснополянской жизни. Восемь лет, прожитые Марией Николаевной в замужестве, похоже, были для нее счастливыми.

Отец Льва Николаевича скончался, когда сыну исполнилось 9 лет. Далее он рос в обществе любящих, но не выдающихся и совершенно для него не авторитетных женщин. Воспитывали его многочисленные родственники, тетушки.

Из своего детства поэтического, таинственного, нежного – он сохранил в памяти всепоглощающее чувство любви, как естественного состояния души, как естественного отношения ко всем людям.

Школьной дисциплины Лев не знал. Подготовка к университету шла дома: к мальчику приезжали учителя, за поведением следили гувернеры.

Поступив в Казанский университет, Толстой должен был посещать лекции, сдавать зачеты и экзамены. Но даже эти обязанности казались ему невыносимыми, и со 2-ого курса он бросил университет навсегда.

В сущности, он воспитывал себя сам и поэтому привык полагаться во всем только на себя. К наукам казенным он относился равнодушно и учился всегда плохо. Зато с ранних лет он много читал, и еще больше философствовал. В годы детства и отрочества он настойчиво пытался решать основные вопросы человеческого существования.

Лев Толстой

С трудом верится, но 17-летним юношей он записал: «Какая цель жизни человека?» и приходит к заключению: она «есть возможное способствование к всестороннему развитию всего существующего». Вот куда следует употребить свои душевные силы. Далее следует программа, разработанная для самого себя на ближайшие два года, необъятная программа: изучить 5 языков, практическую медицину и сельское хозяйство, географию, статистику, историю, написать диссертацию.

В Казанском университете Толстому предстояло сдавать на вступительных экзаменах Закон Божий, и этот предмет побудил серьезнее, чем прежде, задуматься о том, что для него значит вера. Почти ребенком он писал философские трактаты. И когда его тетради попадали в руки взрослых, никто не хотел верить, что «Лёвочка» автор этих мудреных вещей. Впоследствии он напишет свою знаменитую «Исповедь». «Исповедь» для Толстого — это был акт разрыва с собственным прошлым, в котором очень многое он теперь не мог вспомнить «без ужаса, омерзения и боли сердечной».

Первый «урок» жизни он получил в 14 лет. Братья привели его, 14-летнего, в дом терпимости — ритуал подобных визитов считался в этом кругу чуть ли не обязательным. Потом он рыдал, одеваясь, над ним посмеивались и поздравляли с «просвещением». Спустя более полувека Толстой вспоминал этот день с ужасом, и горько сожалел, что вокруг него, когда он вступил в опасный для мальчика возраст, не было нравственной среды.

«Мне не было внушено никаких нравственных начал — никаких; а кругом меня большие с уверенностью курили, пили, распутничали... И многое дурное я делал только из подражания большим».

Бросив университет 19-летний Толстой уехал в деревню. Его манила мысль руководить благосостоянием крестьян деревни Ясная Поляна, которая отошла ему в наследство. Он полагал, что священная и прямая для него обязанность — заботиться о счастье семисот человек, за которых он будет отвечать Богу. И он начал воплощать свой план «совершенствования», т.е. открыть школу, заботиться не только о материальном, но и о нравственном состоянии крестьян. И школа на самом деле была открыта. И все это он описал в одном из первых своих опубликованных произведений — повести «Утро помещика». В своем дневнике он записал: «Цель жизни добро, добро, которое мы делаем ближнему».

Лев Толстой

Но устраивать счастье крепостных оказалось не так просто и скоро показалось Толстому тяжелой обузой. Поэтому вскоре он бежал из деревни и всем существом погрузился в соблазны Москвы. Он вел жизнь обычную для «золотой молодежи» того времени: кутежи, охота, карты, цыгане. Такая жизнь не всегда удовлетворяла Толстого: он раскаивался, каялся, ехал на исправление в деревню, но скоро опять оказывался в водовороте страстей и соблазнов.

Познав столичную светскую жизнь, Толстой приходит к выводу, что все это не для него. Пустота постоянных отношений людей не связанных между собою ни общим интересом, ни благородным чувством его больше не устраивала. Толстой решил убежать от этих скверных привычек и искушений на Кавказ.

Потекла жизнь, к которой привыкли в Кавказской армии: ожидание приказа идти в набег, а пока — пирушки, карты, девки, т.е. отчего ушел к тому же и пришел. И постоянная борьба внутри: хотелось быть глубоко нравственным, но не мог устоять перед искушениями.

Толстой отнесся к этой кровавой, тянущейся десятилетиями войне по-своему. Об этом можно судить по его рассказу «Набег».

Его возмущало, что четвертый год подряд они берут завалы ценой больших жертв. Можно было бы их укрепить и дело с концом, но этого не будет, ведь начальству снова и снова надо докладывать об успехах, за которые полагаются награды. Причем отличия достаются большей частью тем, кто в свите, далеко от опасности. Не правда ли современно звучит? Пережитое на Кавказской войне не изгладилось из его памяти и отразилось во многих его рассказах. Полвека спустя будет написан «Хаджи-Мурат».

О его душевном состоянии этого периода можно сказать следующее: настоящее кажется однообразным и унылым, будущее неясно, ощущение своей ненужности в мире изводит Толстого.

Мысль оставить военную службу приходила Толстому не раз. Не на этом поприще ждала его слава. Уже велика вероятность, что ему предопределен путь писателя. Летом 1852 года Толстой отослал редактору «Современника» Некрасову рукопись «Детства». В его трактовке детство — это единственная пора, когда все чистое и высокое, заложенное в людях от рождения неизменно пропадает по мере того, как накапливается реальный опыт. Приходит скепсис, безверие, ожесточенность, а поэзия детства исчезает бесследно, или вспоминается лишь как наивная сказка.

Первым ударом, который разрушил эту сказку, первым тяжелым испытанием для Толстого стала кончина его брата Николая. Этот умный, добрый, серьезный человек заболел молодым, страдал более года и мучительно умер, не понимая, зачем он жил, и еще менее понимая, зачем он умирает.

«Никакие теории — пишет Лев Толстой в «Исповеди» - ничего не могли ответить на эти вопросы ни мне, ни ему, во время его медленного, мучительного умирания».

Толстой не верил в загробную жизнь. Жизнь поблекла, потеряла все краски. Зачем жить: работать, стремиться к чему-то, если все может закончиться в одночасье. Был ты, и нет тебя. Все абсолютный нуль. Время лечит, и он постепенно вернулся к своим жизненным интересам, но первый удар радости жизни был нанесен, и последствия его дали себя знать позднее. После «Детства» появились «Отрочество», «Юность», что вместе составило трилогию. Позже он записал в дневнике: **«Моя карьера — литература — писать и писать!».**

В литературе для Толстого существует одно непререкаемое условие — правда. И эта правда, как он ее понимает, вовсе не синоним обличения, протеста. Правда, по его представлению — это способность художника уловить и воссоздать всю полноту, многоликость и сложность жизни. Толстой всегда чувствовал, что ему совершенно чуждо и не приемлемо — писать о злободневном, что так приветствовалось в литературе. По-настоящему ему было интересно совсем иное — душа, внутренний мир, поиски себя, своего предназначения.

Толстой был некрасив. Некрасивое лицо его с широким носом и толстыми губами освещалось лучистым взглядом светло-серых, глубоко сидящих глаз. В сущности, он и

был добрым и простодушным человеком. С простыми людьми он держался просто, чрезвычайно скромно, с детьми сходилась в два слова, без всяких усилий умел занять их и привязать к себе.

Другое дело женщины. Влюблялся ли Толстой? Юношеских увлечений у него было очень много. Но все они были мимолетны и не глубоки. Либо он охладевал, либо девушки за которыми он ухаживал находили, что общение с ним «интересно, но тяжело». Его сложная духовная организация и редкая пронизательность держали собеседниц в постоянном напряжении. Однажды была неудачная попытка жениться, после которой он уехал за границу, а по возвращении написал прекрасную повесть «Семейное счастье».

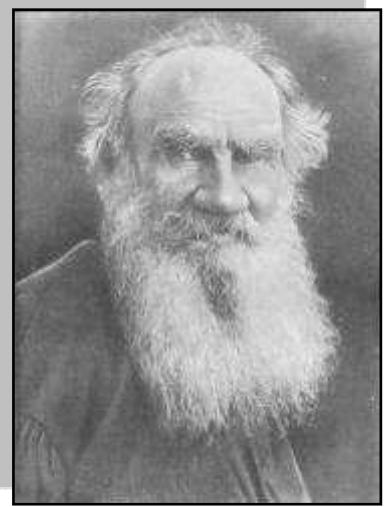
Между тем заветная мечта Толстого — собственная семья — брак, дети. Его дневники, письма переполнены этим вопросом. Но ему трудно найти себе подходящую подругу жизни. К девушкам, с которыми он встречался, Толстой предъявлял высокие требования по части ума, красоты. Она должна быть здоровой и сильной, способной сама вскормить и воспитывать детей. На все она должна смотреть глазами мужа, во всем быть его помощницей. Обладая светским лоском, она обязана забыть свет, поселиться с мужем в деревне и целиком посвятить себя семье.

Молодость проходила, он замечал в себе первые признаки надвигающейся старости и уже был готов отказаться от семейного счастья, о котором так долго и нежно мечтал и тут в его жизни появляется она.

В один из майских дней к даче доктора Берса подъехала коляска. В гости к Берсу пожаловал граф Толстой. Неожиданный приезд произвел в доме переполох. Хозяйке дома принялись помогать две старшие дочери: 13-летняя Лиза, 12-летняя Соня. В последующие годы Толстой редко бывал в семье доктора. И попав как-то снова к нему в дом, был поражен переменою, которую нашел: «милые девочки» выросли в красивых барышень.

Лев Николаевич заинтересовался ими и стал часто бывать в доме. Поползли разговоры, толки, все почему-то решили, что он непременно женится на Лизе. В этом были убеждены и родители, и родственники Берсов. Именно они и внушили Лизе, что Толстой к ней равнодушен. Она начала предаваться мечтам, стала внимательно относиться к своей наружности. Лев Николаевич, чувствуя создавшуюся около него атмосферу, как бы обязывающую его к определенным действиям начал тяготиться этим. Ему то приглянулась другая дочь Берсов — Соня. Путаница отношений росла. Лиза становилась ненавистной Толстому, и он с трудом сдерживал себя в ее обществе. С Соней же, напротив, он был бодр, активен и не скрывал своих чувств.

Она отвечала ему взаимностью. Они понимали друг друга с полуслова. Однажды он написал ей текст одними начальными буквами «В. м. и п.с.с. и т.д.». Спросил: «Сможешь прочитать?» И она по какому-то вдохновению прочитала «Ваша молодость, и потребность счастья слишком живо

Лев Николаевич Толстой

Софья Андреевна Берс

напоминают мне мою старость и невозможность счастья». Его гордость боялась возможного отказа. Великие люди болеют и любят так же, как и все остальные смертные. Восемнадцатилетняя девочка, живая и неглупая, но ничем не выделявшаяся из среднего уровня, уже держала гениального человека в своих руках. Волею судьбы она сделалась властительницей всей его сложной духовной жизни. Софью Андреевну Толстой любил страстно, он не пытался ее воспитывать, чтобы сделать из нее для себя сносную жену. Он никак не мог поверить, что его «старого, беззубого дурака» могла полюбить ясная и простая восемнадцатилетняя Соня Берс. Он спешил со свадьбой, не мог поверить в реальность происходящего. Он вечно сомневался. Не мог просто радоваться, нервничал. В день венчания он пришел к невесте с утра и стал внушать ей, что она делает ошибку, предлагал все кончить пока не поздно. Соня рыдала. Вмешались родственники: пристыдили, отправили назад. После венчания Толстой записал в дневнике: *«Неимоверное счастье»*. Они прожили вместе 48 лет.

Они, конечно, не были идеальной парой: слишком разный жизненный опыт, слишком разные темпераменты. «Он так умен, деятелен, способен», с ним «можно умереть от счастья и от унижения тоже, ведь рядом с ним она ощущала себя мелкой до ничтожества». Ей так противны были все физические проявления любви, а вот для него они очень важны.

Первый ребенок родился у них в 1863 году. Роды протекали тяжело, но все обошлось. Родившегося мальчика назвали Сергеем. Вскоре после родов для Толстого наступили тяжелые переживания. По мнению Льва Николаевича Толстого, мать должна была не только кормить ребенка, но и полностью растить его без посторонней помощи. Однако Софья Андреевна поправлялась плохо, а ребенок рос не очень спокойным. Теща находила, что «Левушка чудит» и советовала в помощь молодой матери нанять няню. Все это действовало на Толстого угнетающе. Его раздражали капризы больной жены. Он не верил врачам и окружающим. Но эти семейные разногласия вскоре закончились. Софья Андреевна оказалась исключительно чадолюбивой матерью.

В вопросах воспитания детей особых разногласий у них не было. Софья Андреевна во многом уступала. Лев Николаевич требовал, чтобы дети ходили в простой холщовой одежде. Никаких игрушек не полагалось. Но когда ему самому приходилось покупать ткань для одежды, детям он всегда выбирал самый первоклассный материал — тонкий и дорогой. К детям он относился сердечно, но терпеть не мог поцелуев, ласк и нежностей. От новорожденных вообще держался на приличном расстоянии.

«Как я не могу держать в руках живую птичку — со мной делается что-то вроде судорог, так я боюсь брать на руки маленьких детей».

Детей своих жалел, беседовал, затрагивая серьезные деликатные темы, а когда они выросли, часто спорил, но никогда не приказывал и не навязывал своих мнений. Толстой считал воспитание процессом бесконечным и не оставлял без наставлений и советов уже выросших и повзрослевших, со сложившимися жизненными правилами и привычками детей: чем взрослее они

Лев Толстой в кругу семьи

становились, тем больше интересовали его. Воспитание всегда было неотделимо от самовоспитания. Слова отца могли задевать, обижать, больно ранить - он позволял с детьми себе многое, терпением Толстой не отличался, но дети нуждались в слове отца и болезненнее всего переживали его молчание.

Родители принимали самое активное, деятельное участие не только в воспитании, но и в образовании детей. Софья Андреевна сама учила их русской грамоте, французскому и немецкому языкам, танцам. Лев Николаевич преподавал математику. Позднее, когда старшему сыну нужно было начать изучение греческого языка, а подходящего учителя не было, Толстой бросил все свои дела и с увлечением принялся за греков. Не зная даже алфавита, он уже через шесть недель свободно читал Ксенофонта и даже Гомера.

Особое внимание было обращено на физическое развитие, на гимнастику. Отец сам учил своих детей плавать, тренировал их в верховой езде. Зимой устраивал с ними каток на пруду. Каждый вечер Лев Николаевич собирал вокруг себя детей и читал им. Он вносил в жизнь семьи массу юмора и жизнеутверждающего веселья. Умел оживить всех и переломить сумрачные настроения.

По представлению детей мама была первым человеком в доме, от неё зависело все. С ней можно было капризничать. С папа капризничать не полагалось. Лгать ему было бесполезно. Он все видел насквозь. Папа никогда никого не наказывал, и почти никогда не заставлял детей что-нибудь делать, а получалось всегда так, как хотел он. По его убеждению, ребенок должен заниматься только тем, к чему у него есть интерес.

Софья Андреевна с самого начала старалась всей душой входить в интересы мужа. Она помогала ему вести большое хозяйство, сидела в конторе, беременная бегала с большой связкой ключей у пояса. Помимо хозяйственных работ, она страстно привязалась к творчеству мужа и сумела принять в нем участие. Она взялась за неблагодарную работу переписывать его запутанные и малопонятные черновики. А у Толстого был ужасный почерк и манера вписывать целые фразы между строк в уголках листа и даже поперек. Громадный роман «Война и мир» она переписывала семь раз. Постепенно она берет на себя все хозяйственные заботы и создает ему все условия для творчества. Граф Соллогуб писал ей:

«Вы настоящая нянька таланта своего мужа и продолжайте в этом направлении жить всю вашу жизнь».

У Толстого полным ходом идет работа над романом «Война и мир». Писал он его тяжело, было 15 вариантов только первой сцены. Сам Толстой называл свою книгу «картиной нравов, построенных на историческом событии». В пору работы над романом Толстой испытывал чувство цельной, прочной жизни.

Вообще между супругами было полное взаимопонимание и лад. Дети радовали и казалось бы, чего еще желать? Но вдруг среди этого безоблачного счастья порой вдруг Толстым овладевают глубоко печальные мысли — мысли о смерти. Пройдет всего несколько лет и начнется период тяжелого духовного кризиса.

И как назло в течении нескольких лет умирают его воспитательница, трое их детей и тетушка. Страшное впечатление производят эти пять смертей за два года. По словам Толстого, он все чаще начал чувствовать «остановки жизни». Среди суеты, кипучей деятельности, он вдруг останавливался и спрашивал себя: «Зачем?» И ему казалось в такие минуты, что не зная «зачем», нельзя ничего делать, нельзя жить. Он занимается хозяйством и вдруг: «Ну будет у меня еще больше десятин земли, еще больше лошадей?

Ну, а дальше что? Дальше больше. Ну, хорошо, ты будешь главнее Гоголя, Пушкина, Шекспира и всех писателей вместе. Ну и что ж?». Перед лицом надвигающейся неизбежной смерти — ответов не было.

«Дела мои, - думал он, - какие бы они не были, все забудутся — раньше, позднее, да меня то не будет. Так из чего же хлопотать. Как человек может не видеть этого и жить — вот что удивительно. Можно жить только покуда пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что все это — только обман, глупый обман».

Воображение у него было слишком живо. Ужас вечной тьмы, смерти был слишком велик. И среди способов избавления он — трудно поверить! - все чаще думал о самоубийстве.

И его собственные мысли, и все, что было прочитано им по философии, привели его к решению: жизнь людей — бессмыслица. И надо отметить, что припадки его тоски вызывались не только боязнью смерти, но и ужасом перед бессмыслицей жизни, кончающейся смертью.

«Как мне спастись? Я чувствую, что я погибаю. Живу и умираю. Люблю жизнь и боюсь смерти — как мне спастись?»

Он пишет «Исповедь». В ней он развертывает во всех деталях яркую картину психологического процесса, заставившего искать его спасения в религии. Толстой нашел спасение в идеализации жизни простого народа. Они лишены всех тех утех и благ. Которые есть у богатых, но они довольны жизнью, живут, страдают и приближаются к смерти со спокойствием. Он слушал разговоры мужиков о Боге, о вере, о жизни, о спасении и ему казалось, что он больше и больше понимает истину. И как ни странно было, Толстой многое из того, что входило в веру народа, принял: ходил к службам, становился утром и вечером на молитву, постился. И первое время разум его не противился ничему. Во чтобы то ни стало ему нужен был такой смысл жизни, который не уничтожается смертью. Ему необходимо было верить, чтобы выжить. Трудности начались потом. Он скрывал от себя противоречия и неясность вероучения. Но, мало-помалу, он вынужден был сознаться, что 2/3 церковных служб ему непонятны и не поддаются попыткам хитроумных объяснений. Лгать себе сознательно в деле веры он не хотел и не мог. Его серьезно смущало враждебное отношение православия к другим вероисповеданиям. Душа его не могла примириться с отношением православной церкви к войне, которую в это время вела Россия с Турцией, и к казням преступников уголовных и политических. Он чувствовал, что чем больше вникает в речи духовенства, тем больше отдаляется и идет к пропасти. Так он мучился три года.

К началу душевного кризиса Льва Николаевича Софье Андреевне было уже за тридцать. Живя в тесной дружбе с великим человеком, она росла духовно. Но, несмотря на простоту и искренность многие отмечали в ней душевную грубость. Она любила его талант, а всякие религиозные искания были ей чужды. Самоуверенно и спокойно она считала себя хорошею христианкой. Душевный кризис Толстого был ей малопонятен. Призрак смерти, овладевший воображением ее мужа, был бессилен воздействовать на ее житейский здравый смысл. Сначала она думала, что это — новые причуды.

Но вот в православии Толстого начали замечаться колебания и склонность восстать против церкви. Это был удар для Софьи Андреевны. С некоторых пор она ввела в доме строго православный режим. Замечая колебания мужа, она всячески усиливала

исполнения обрядов и обычаев православной веры. Но, однажды, в пост Лев Николаевич с аппетитом съел таки котлету и с тех пор перестал поститься.

Теперь Толстой никому не верит. Ему нужно было самому исследовать первоисточники. Он берет греческие текст четырех Евангелий и начинает их изучать. С каждым шагом, он убеждается, что христианство, есть самое строгое и чистое учение, выше которого не поднимался до сих пор разум человеческий. Он приходит к окончательному выводу: учение христианской церкви имеет мало общего с чистым учением Христа.

Религия часто обслуживает власть. Толстой стремится показать различие между верой церковной и той, которую он считает истинной, не искаженной учением церкви.

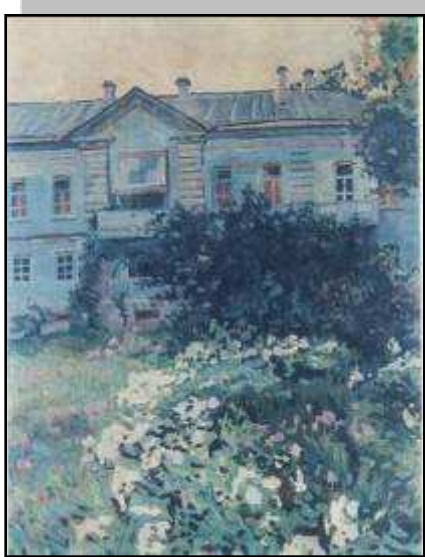
Учение мира, поддерживаемое церковью, создает бессмысленную, полную несчастий жизнь на Земле. Жизнь эта заканчивается смертью. Учение Христа указывает такую цель жизни, которая не уничтожается смертью. Цель эта — поддержание мира, единения и любви между людьми. Никто не может рассчитывать на личное бессмертие, но дело его жизни, если он посвятит ее увеличению любви на Земле, останется вечным. И сам он после физической смерти сольется с разлитой в мироздании любовью, т.е. с Богом.

А для этого надо отказаться от всего того, что прежде считалось ценным и важным: богатство, почести, слава, образование — все это стало для Толстого дурным и низким. Бедность, простота обстановки, пищи, одежды — все это стало для него высоким и хорошим. Он начал проповедовать нищету. Никого из семьи эта идея не увлекла, ни у кого не возникло желания изменить барский образ жизни. Между тем Толстой хотел отказаться от своих литературных прав и заняться физическим трудом, а так же он планировал приступить к раздаче имущества бедным. Семья ему ответила, что если он на это решится, то над ним будет учреждена опека, необходимая в связи с его психическим расстройством. То есть ему угрожали сумасшедшим домом. В общем, семья его не приняла, и Толстому пришлось, по необходимости, задуматься над этими

своими «открытиями». Ведь, в сущности, его понимание учения Христа сводилось к полному отказу от собственности, от семьи. Нужно было перестать быть Толстым, затеряться в толпе, стать безымянным бродягой. К такому шагу Толстой был не готов. Он знал, жена и дети любят его и при даже короткой разлуке с ними, он всегда очень страдал.

В 1901 году церковь предала Толстого анафеме. Они были правы, отлучая его от церкви, он давно ополчился против нее. Но в силу этого акта популярность Толстого только усилилась.

Но время — лучший лекарь, страсти улеглись, яснополянская жизнь шла размеренно. Он любил в этом доме все: тишину утренних часов, когда никто не посмеет оторвать его от работы и веселые голоса детей, вернувшихся из леса со сморчками и букетами темных душистых фиалок. Однообразные зимние будни нисколько не притупляют этого ощущения счастья. Он пишет «Анну Каренину». Четыре года

Ясная Поляна.
Усадьба Л.Н.Толстого

Толстой был занят этой историей двух семейств, которые счастливы и несчастливы

каждая по-своему. Толстой рассказывал, что замысел «Анны Карениной» зародился случайно: он решил почитать сыну «Повести Белкина», увлекся, не мог оторваться от книги, а в ней был и оставшийся незавершенный эскиз «Гости съезжались на дачу». Толстой стал придумывать продолжение, появились лица, сюжет. Дальше все пошло точно само собой.

Дети росли, стоял вопрос о дальнейшем обучении, о выводе их в свет. Толстой ехать в Москву не хотел, т.к. называл ее не иначе как «развратным Вавилоном». Он переживал переезд в Москву, как непоправимую катастрофу. Толстые купили дом в Хамовническом переулке. Двадцать лет жизни Льва Николаевича будут связаны с этим домом. Он занялся его переделкой, покупал мебель, кареты. Но все это для него была суета, по вере, надо от всего отказаться, но он делает это ради детей. Внутри его разъедают противоречия. Он впадает в апатию, уныние, часто ссорится с Софьей Андреевной. Толстой чувствует себя одиноким в семье. Домашние ведут праздную, сытую, веселую и пустую жизнь. Это ему не по душе. Измучившись весь, он начинает думать об уходе из семьи. Тяжело было Софье Андреевне с Толстым. Она вот-вот должна была родить очередного ребенка, а он к ней с предложением о продаже лошадей (не нужны они нам). Ссора. Прервав бурный разговор, он взял мешок с кое-какими вещами и сказал, хлопнув дверью, что уходит навсегда. У Софьи Андреевны начались преждевременные роды. Сердечные и физические страдания казались невыносимыми, она молила о смерти. Но, на это раз, вспомнив, что жена вот-вот должна родить он вернулся.

Жизнь продолжалась. Софья Андреевна привыкла смотреть на «юрродства» Толстого сквозь пальцы. Ее жизненная задача сводилась теперь к тому, чтобы отстоять достаток семьи, сохранить и приумножить денежные средства для детей, отстоять дворянские традиции в их воспитании, обеспечить им карьеру. В этих областях она осталась непоколебимой.

А Толстой между тем отдалился от воспитания детей, занялся физическим трудом, косил траву, колот дрова, таскал воду из колодца, сам себе чистил одежду и сапоги. Понемногу семья начала привыкать к его странностям.

Постепенно тяжелое идейное одиночество Льва Николаевича, на которое он так горько жаловался, отходило в область прошлого. Учение Толстого постепенно распространялось, у него появились последователи, соратники,

которые одолевали семью своими визитами. Всем хотелось его видеть, для многих он был учителем, человеком авторитетным. А вот в семье? Ни то, чтобы с ним не считались, нет, но главным человеком стала Софья Андреевна. Из записок сына Ильи:

«Из 13 детей, которых она родила, она 11 вскормила «собственной грудью». Из первых 13 лет замужней жизни, она была беременна 117 месяцев, т. е. 10 лет и кормила грудью больше 13 лет и в то же время успевала вести все сложное хозяйство большой семьи, и по 8, 10, а иногда и 20 раз переписывать литературные труды Толстого».

Лев Толстой на пашне. Худ. И.Репин

Она редко смеялась, и совершенно не понимала юмора, над чем подтрунивал Толстой. Она редко просто гуляла, редко от души веселилась. Всегда на душе у нее была какая-то забота. С годами нервозность Софьи Андреевны возрастала. Все эти заботы довели ее до нервного истощения. И уже не Лев Николаевич, а она сама готова была уйти из жизни, опостылевшей и невыносимой. Софья Андреевна страдала от непонимания.

«Как я хотела и хочу часто бросить все, уйти из жизни так или иначе. Боже мой, как я устала жить, бороться и страдать. Как велика бессознательная злоба самых близких людей и как велик эгоизм», - запишет она в своем дневнике. Но об этом чуть позже.

Толстой пишет «Крейцерову сонату». Повесть читали везде. Одно время только о ней и говорили. Вопрос: «Читали ли вы «Крейцерову сонату»?» заменил традиционный: «Как ваше здоровье?». Вполне естественно, что мнения о столь острой, даже отчасти скандальной, буквально начиненной парадоксальными суждениями о женщинах и женских нарядах, семейной жизни и детях сильно разошлись.

Софье Андреевне казалось, что глаза всех после злополучной повести устремлены на жену и семью Толстого, обобщения обобщениями, а в основе повести пронизательные и просто смышленные читатели увидят историю вполне определенного «несчастливого семейства». Будут судачить, будут злорадствовать, смеяться — и самое тяжелое — жалеть ее.

В феврале 1895 года в семье Толстых снова несчастье — умирает их последний ребенок — сын Ванечка. Толстой часто размышлял о том, какой духовный смысл заключается в смерти маленьких детей, которую даже преждевременной назвать невозможно, скорее довременной и не находил ответа. Сама жизнь поставила вопрос: зачем жил и умер этот мальчик, не дожив десятой доли обычной человеческой жизни. И ему кажется, что он подыскал разумное объяснение.

«Он жил для того, чтобы увеличить в себе любовь, вырасти в любви... для того, чтобы заразить нас всех этой его любовью, сплотить нас ею. Никогда мы все не были так близки друг к другу, как теперь, и никогда ни в Соне, ни в себе я не чувствовал такой потребности в любви и такого отращения ко всякому разъединению и злу. Никогда я Соню так не любил, как теперь».

Почти через 10 лет он даст гораздо более обдуманый ответ в дневнике:

«Спрашивают, зачем умирают дети, молодые, которые мало жили? Ведь эта весьма грубая мерка временем, а жизнь меряется не временем... Почему вы знаете, какой внутренний рост совершила эта душа в свой короткий срок и какое воздействие она имела на других».

Софья Андреевна после смерти Ванечки так и не поправила свое психическое здоровье. В ней нет теперь жизни. Она бьется и не может еще выбиться в область божескую, т.е. духовной жизни. Вернуться же к другим интересам мирской жизни, к другим детям она хочет, но не может, потому что жизнь с Ванечкой и по возрасту и личным свойствам была самая высокая, нежная, чистая. А, вкусив сладкого, не хочется не только горького, но и менее сладкого. Поэтому в семье от всего этого спокойнее не становилось.

Лев Николаевич был кроток и мудр, и всячески старался облегчить ее страдания.

«Я последнее время как-то особенно чувствую его над собой влияние в смысле духовной охраны. Он понял потерю моего душевного равновесия и постоянно мне помогает добро и ласково», - писала в своих дневниках Софья Андреевна.

В 1901 году Толстой заболевает малярией и в связи с болезнью отправляется в Крым. В Крыму ему легче не становится. Он постоянно болел. И был так плох, что никто в близкой смерти Толстого не сомневался. Решили погребение совершить в Крыму, для чего уже был куплен небольшой участок земли. Но он выкарабкался и удивил всех. Вернувшись, Толстой до драматического ухода осенью 1910 года оседет в Ясной Поляне.

Лев Толстой за работой

До самой глубокой старости Лев Николаевич продолжает работать: «Хаджи — Мурат», «После бала» и ряд других философских произведений создает он в это время. Толстой хотел себя видеть только любящим мужем, примерным отцом, писателем. Хотелось, чтобы его совсем перестали задевать злоба дня, общественные волнения и предложил даже учредить журнал «Не современник», в котором авторы высказывались бы не о сиюминутном, а о вечном, рассчитывая на читателей отдаленного будущего.

Свой 80-летний юбилей Толстой отметил достаточно широко.

Он любил праздничный шум и особенно дни рождения. Было много поздравлений, вокруг были друзья, последователи. Дорогие, милые лица.

«Как мне радостно видеть вас всех»,- сказал он и заплакал, что с ним в старости случалось часто. После юбилея жизнь пошла своим чередом, но в дневнике запись:

«Все тяжелее и тяжелее мне становятся разговоры. И как хорошо одному».

Идея бегства преследовала Толстого, сверлила его. Он был одинок и, в сущности, несчастен. Ему не доставало необходимого в его возрасте покоя. Софья Андреевна под старость стала чрезмерно разговорчивой, бесцеремонно во все вмешивалась, и причины тому были. Дело в том, что Толстой настаивал на бесплатном распространении его произведений, а это бы автоматически лишало детей нормального существования (в материальном плане). Но Софья Андреевна рассудила здраво:

«Я люблю свою семью и желаю ей лучшего благосостояния, а передав сочинения в общественное достояние, мы наградим богатые фирмы издательские».

Софья Андреевна узнав об этом решении Толстого, решила покончить с собой. Побежала на железную дорогу, бросаться под поезд. Но ее остановили знакомые, они были поражены ее видом, успокоили и привели домой.

Был некий господин Чертков, который сколотил себе имя и состояние, издавая и распоряжаясь всем тем, что было написано Толстым. Ох, как он уговаривал Толстого написать завещание в пользу общества, а, следовательно, его Черткова.

Софья Андреевна почувствовала, что Чертков что-то задумывает. Естественно, что она боролась за интересы семьи. А она уже состояла со всеми внуками из 28 человек, и благосостояние ее во многом зависело от того, удастся ли устранить опасность нежелательного завещания Льва Николаевича Толстого.

И подозрения Софьи Андреевны относительно Черткова не были беспочвенными. В это время за ее спиной обсуждалось и составлялось завещание, согласно которому все написанное Толстым, рукописи и право собственности на его произведения переходит к Александре Львовне, а в случае смерти ее раньше Толстого - к Татьяне Львовне. Распорядителем же назначался Чертков. Конспирация была соблюдена. Завещание Толстой подписывал в обстановке строжайшей секретности. Уйдя глубоко в лес Толстой, Чертков и два свидетеля, на пенке подписали это завещание. Софья Андреевна долго ничего об этом не знала, но подозревала. Ей давно уже всюду мерещились заговорщики и охотники за рукописями.

В.Г. Чертков

Наступил момент, когда здоровье графини не выдержало этих волнений. Софье Андреевне шел 66-й год. Позади, было 48 лет супружеской жизни и 13 родов. Врачами ей был поставлен, ввиду истасканности нервной системы диагноз: паранойя. В доме Толстых, в счастливой и светлой Ясной Поляне начался ад. Несчастливая женщина потеряла над собой всякую власть. Она подслушивала, подглядывала, старалась не выпускать мужа ни на минуту из виду, рылась в его бумагах, разыскивая завещание. Время от времени она бросалась в ноги к Толстому, умоляя сказать, существует ли завещание. Она каталась в истериках, стрелялась, бегала с банкой опиума, угрожая каждую минуту покончить с собой. Билась на лестнице, крича, что умирает. Притворялась, что лишилась языка. Посылала сыну записку фантастического содержания

«Умираю по вине Черткова. Отомсти за смерть матери, убей Черткова. Ты один его разгадал».

От нее положительно некуда было деться — она преследовала Толстого повсюду. И запереться от нее надолго или где-нибудь уединиться в Ясной Поляне было невозможно.

И все можно было уладить легко, разбежались и точка, но парадокс в том, что каждый из них был привязан друг к другу всем сердцем. Присутствие их около друг друга раздражало обоих, а отсутствие, даже не продолжительное, было невыносимым.

Тайно оставленное завещание лежало у Толстого на совести. Все время он находился между не вполне нормальной женою и ее противниками (Чертков и сотоварищи). Он изнемогал, он задыхался. Он предчувствовал свою близкую смерть. Ему стало неудержимо хотеться уйти из этого «дома сумасшедших», зараженного ненавистью и борьбою. Ему стало неудержимо хотеться умереть в спокойной обстановке, вдали от людей, «разменявших его на рубли».

Лев Толстой и Софья Андреевна

Дочь Александра приближала этот уход, в конфликте родителей она заняла позицию отца. Мать была неуправляема, опасна. Мать ее оскорбляла, она отвечала ей тем же,

высказывала все, что накопилось за долгие годы. Отца она беззаветно любила. Мать — столь же сильно ненавидела.

О попытке и желании Толстого уйти знали давно. Привыкли. А раз привыкли, то не верили в реальность такого события. Верилось, что все как-то утрясется, устроится.

Однажды Толстой проснулся ночью и увидел, что жена роится в его бумагах. Отвращение и возмущение росли. Софья Андреевна ушла спать. А 82-летний Толстой тайком, ночью, боясь разбудить, дрожа от страха, как преступник, ожидающий погони покидал Ясную Поляну навсегда. Толстой был до смерти напуган — ему всюду мерещилась фигура ищущей и стрекочущей Софьи Андреевны. Только сев в поезд Толстой почувствовал, как его отпустил страх и поднялась жалость к Софье Андреевне, но не сомнение в правильности поступка.

Сначала он добрался до монастыря, где жила его сестра монахиня. Затем решено было ехать в Новочеркасск к родственнику, а оттуда попытаться уехать за границу, в какую-нибудь из стран Западной Европы. Но в поезде он простудился и был вынужден выйти на большой станции Астапово. Начальник станции уступил больному свою квартиру. Он умер через 7 дней, окруженный докторами и тремя детьми. А на запасных путях этой станции стоял поезд, в котором жила Софья Андреевна. Ее убедили не входить к Толстому до его выздоровления.

Софья Андреевна, узнав о побеге Толстого из Ясной Поляны — бросилась к пруду. Спасли. После смерти Толстого Софья Андреевна как бы потухла. Она подрыхлела, осунулась, некогда бившая ключом энергия исчезла, и во всех ее движениях и словах было мало жизни. Умерла она спустя 10 лет, после смерти Толстого смиренно и спокойно, но очень переживала, что о ней скажут потомки.

Толстой натура была поистине мощная. Энергия фантастическая. Сил хватало на все: постоянную огромную литературную работу, гигантскую переписку, косьбу и прочий физический труд, велосипед, теннис, прогулки верхом и пешие, чтение на основных европейских языках, беседы с людьми всевозможных сословий. Казалось, эти силы не иссякнут никогда.

В конце жизни в письме старшим детям он написал о Боге:

«Бог есть неограниченное Все; человек есть только ограниченное проявление Его... Истинно существует только Бог. Человек есть проявление его в веществе, времени и пространстве. Чем больше проявления Бога в человеке (жизнь) соединяется с проявлениями (жизнями) других существ, тем больше он существует. Соединение этой своей жизни с жизнями других существ совершается любовью».